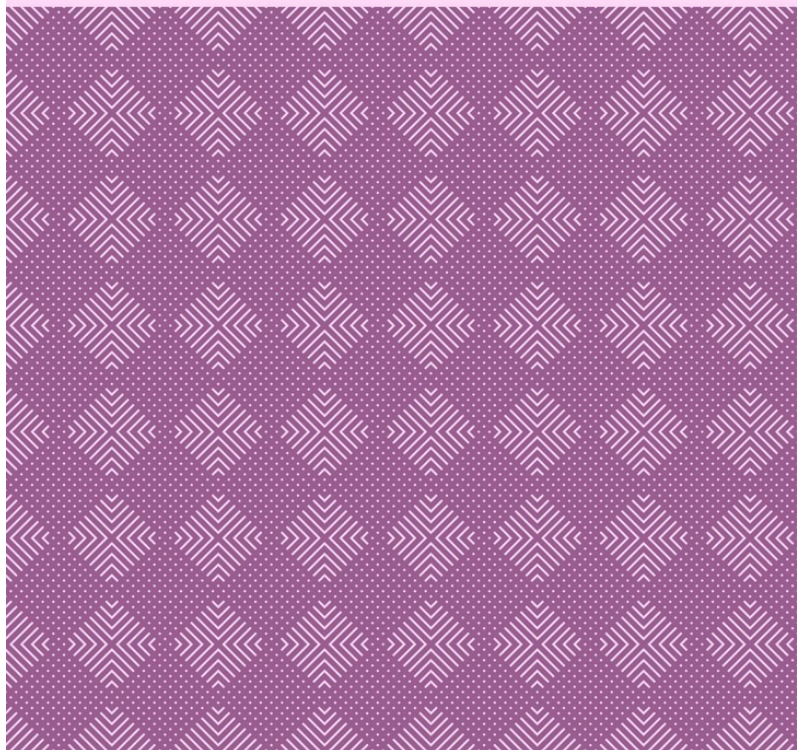

Сергей Берсенев

Древо

Сергей Берсенев

Древо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270119

ISBN 9785449348838

Аннотация

В книгу члена Союза писателей России, члена Российского союза писателей, заслуженного поэта Московии «Древо» вошли стихи философской и гражданской направленности двух-трёх последних лет.

Содержание

Говорю тебе – здравствуй!	5
Древо	6
Покинуть бы город...	7
Разговор с ёжиком	8
Глухомань	10
Закончился отпуск	12
С Васей...	13
Города надоедают...	15
Суровой поступью февраль...	17
Мама, прости...	19
Сердце матери	21
Доля горькая	23
Последний защитник деревни	25
На этой земле	27
Лес, деревня...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Древо

Сергей Берсенеv

© Сергей Берсенеv, 2018

ISBN 978-5-4493-4883-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорю тебе – здравствуй!

*«Сплошная чёрная так долго
Не может длиться полоса...»
Александра Крючкова*

Говорю тебе «здравствуй», неведомый друг!
Не чужой, не прохожий... Ты родом из лета.
Я тону, ты бросаешь спасательный круг,
чтобы светлого дня передать эстафету.

Нет, не верю я в ангелов, ты – человек.
Только есть за спиной пара сложенных крыльев...
Это мне до погоста – ходьба или бег...
Это мне покрываться дорожной пылью...

Научи: как с откоса – не вниз, а – к звезде?
Как – сквозь дёрн слышать стук и прислушаться к сердцу.
И не в будущем дальнем... Сейчас надо, здесь
на плечо, на слова, на любовь опереться!

И я тоже расправлю, я тоже взлечу...
Я пойму тот язык, на котором деревья
шелестят по ночам. Сколько диких в нём чувств!
Сколько тайн не открытых поэтами, древних!

Древо

*«В дождях родился, в них же и умру
Под этим низким сумеречным небом...»
Василий Романенков*

Я, будто древо – непокорный:
шумлю листвою, пока не срубят,
вдыхаю воздух полной грудью.
Дожди подпитывают корни...

Калейдоскоп десятилетий
не уступает в силе ветру...
Сплетаю ветви в слово – веруй,
а небо – в сумеречном цвете.

Не замечаю, что седею,
что в октябре мой голос тише...
И твёрдый шаг тому свидетель:
весною ждать четверостиший!

И, где зловещие полвека
не предрекали созиданья,
однажды я услышу эхо —
ответ миров созвучных, дальних.

Покинуть бы город...

Покинуть бы город, в который ещё не вернулся...
Забить его гонор хотя бы на месяца три...
И внутренний голос упрямо твердит: «Повинуйся!
Сомнения точку в конце предложенья сотри!»

Доверюсь вагону, и в нём же, набитом – обратно...
Не станет препонов чинить пассажиру Господь.
До шумных ли улиц, дворцов и костюмов парадных?
Душа просит света, и к светлому тянется плоть.

Июль за июнем отправился в долгую спячку...
По августу – к дате, где значится слово «отъезд».
И чувствую, будто проверенным нюхом собачьим,
что с каждой минутой – сложнее в экзамене тест.

Так трудно решиться: поступок, наверное – подвиг...
И будни сигналият, и воздух глубинки пьянит...
Живая страница... Открытая, чистая – подле...
Не дай Бог – приснилось, а утро придёт, осквернит...

Разговор с ёжиком

Ничего не случилось похожего
никогда от рожденья со мной:
я вчера разговаривал с ёжиком
о загадочной жизни земной.

Раскалённые сумерки августа
опустились на сказочный двор.
А мы с ним, как в селениях, запросто
познакомились, выйдя из нор.

Он, степного стального характера,
на беседы банальные скуп.
Не знаток «сарафанного» радио...
Познавал через рифму Москву.

За общение долгое ратовал,
да и мной был обет ему дан,
но билет на дорогу обратную
уже вещи бросал в чемодан.

Если б слышал кто наши желания
там, где пишется точный маршрут...
Подождут пусть высотные здания,

монотонные дни подождут.

Здесь всего-то два месяца прожито...

Отчего-то стал близок мне зной.

Я вчера разговаривал с ёжиком

о загадочной жизни земной.

Глухомань

*«Прийти ко мне, единственный, спеши —
Ведь любишь побродить по глухомани...»
Ольга Королёва*

Вот так приедешь в глухомань,
найдёшь на гибель ворожею...
И в январе вдруг встретишь май,
о происшедшем не жалея.

И будешь жить не по часам,
не по законам казнокрадов...
Там происходят чудеса,
там – свой, магический порядок,

какой не любят в городах,
где топчут искренность ногами...
Там привечает песней птах,
там да сих пор вещает камень:

«Напра-налево не ходи!»
Окольной нет дороги к счастью...
Один – со сказкой на один,
минуя степь, лесную чащу...

И если вздумает лешак
пожать напрягшуюся руку,
его порыву не мешай —
иначе век плутать по кругу.

Шамань, кудесница, шамань
с начала до кончины года!
Вот так приедешь в глухомань,
и возвращаться неохота...

Закончился отпуск

«Приходит поезд в пункт назначенный...»

Оля Назарова

Закончился отпуск... Возможно ли в это поверить?
Так много вместилось – размыты фортуны границы...
За опусом – опус... Любовь – будто градус по вене...
Короткая милость... Из сказки пора возвратиться...

И снова я дома, где стены должны быть защитой,
и снова я – в омут! События ждут не дождутся...
А поезд вздыхает: мол, белыми нитками шито,
а где-то – святая, и вздох её искренний – жуть как!

Назначенный город... Работа, квартира, рутина...
И прочие графы шаблонно-казённой анкеты...
Стенания хором – бездушен режим карантина...
Осудит, ограбит, и в прошлом останется лето...

Ты помнишь, как сутки за сутками быстро летели?
Ранимы и чутки, мы чуда вселенского ждали...
И тени уходят, а полосы жизни светлеют...
Ненастной погоде на смену – билет в Зазеркалье...

С Васей...

*Василию Романенкову, после прочтения
его нового сборника стихов.*

С ним – на рыбалку бы летом,
или последний кусок
хлеба делить за обедом,
к правде б – не наискосок.

В гору крутую, в разведку...
Душу от порчи хранить,
от бессердечного – ветку,
как животворную нить.

Слушать – как лает собака
где-то в деревне глухой,
может ли Родина плакать
от непогоды лихой...

Выпьем, поверим на слово,
взятое из родника.
Я ему – что не от злого
умысла пишет рука.

Он мне – что надо зреть в корень,
что иногда можно – в лоб!
Был в переделках проворен —
повременишь ладить гроб.

Важно ли – сколько осилим
за день, за прожитый год...
Точку не ставит Василий,
образ героя живёт...

Города надоедают...

Светлой памяти Андрея Чиркова.

Города надоедают,
города на плечи давят...
Погрузившись в электричку,
забываем волчью речь.
Есть ли мизерные шансы —
где-то волей надышаться?
Мегаполиса границы
просто так не пересечь...

Ритм стиха подскажут рельсы —
мимо поля, мимо леса!
До заветной остановки...
От неё – верста пешком.
Разговорчивые сосны
не по детскому серьёзны.
Разве их благоуханье
назовёт кто запашком?

Человеку собеседник —
и опавший лист осенний,
и шальной апрельский ветер

что запутался в строфе.
И мечтается о светлом
как зимою, так и летом,
и неважно – сколько стоит
досягаемый трофей.

Нивелируется возраст,
не стоят вопросы остро...
И предчувствие заката
отошло на задний план.
Если кто и смотрит косо —
новоявленный философ,
что от счастья в стельку пьян.

И внутри проснётся голос —
будто небо расколосось,
будто гром незванным гостем
грянул, судя по всему...
Человек его услышит
и поймёт, что это свыше —
у берёз лежать ему...

Суровой поступью февраль...

Памяти замечательной Русской Женицыны Королёвой Тамары Никифоровны из села Татеево Тверской области

Суровой поступью февраль
взошёл на трон самодержавцем.
Одним, как прежде – кофе, рай...
А большинству – упасть, отжаться!

Кому-то – чёрное число
за бескорыстие в награду.
Молчит побитый «Часослов»
прилюдно нецензурным градом.

И где-то в области Тверской,
в забытой Господом деревне
поют ветра за упокой
простой крестьянки, не царевны...

До века два десятка лет —
совсем чуть-чуть ей не хватило...
А сколько зим и сколько бед
она по-русски укротила.

А сколько встретила с душой!
И хлеб, и соль... И после бани —
нектар домашний по вершок...
И говорили не о брани....

О том, что зло слабей добра,
что от земли – любовь и сила...
Что не в почёте доктора
у крепкой женщины России...

Мама, прости...

«Только успеть бы, мама, Вырвать свою ладонь...»

Анжела Луженкова

Мама, прости, я умер...

Нет меня в списке тех,
кто заседает в Думе,
кто – для чужих утех.

Нет и в бульварной прессе,
среди записных персон...
Не подпеваю песен,
переходящих в сон.

Так ли вчера всё было —
ненависть, боль и страх?
Мы не точили вилы,
жили почти без драк.

Битвою не считалось —
дом когда шёл на дом.
Что же с душою случилось
в мире жестоком том,

где моё имя стёрто
ластиком новых дней.
Мама, прости, я – мёртвый,
и воскрешать не смей!

Жив я вот в этих строчках,
в птицах и родниках,
в праведном многоточье,
в нежных твоих руках...

Сердце матери

Ты всегда был внимательным,
ты – заботливый сын...
Сердце бьётся у матери,
как на стенке часы.

То бежит от волнения,
то – замедленный ход...
А в упряжке со временем
очень редко идёт.

Перед Богом отвечает —
что придумал ты сам:
и за шалости детские,
и за мёд по усам,

и за то, чем не радуешь,
покидая гнездо,
кривды, путая с правдами,
где – добро, а где – зло.

Ты давно не на вытяжку —
спуску нет никому...
Сердце матери выдержит

и суму, и тюрьму.

О тебе извещения —
под копирку, точь-в-точь...
Сердце ждёт возвращения,
будь то день или ночь...

Доля горькая

«Да чья же, коль не Божья ты, трава?

Принявшие завет, тебя не косят...»

Альбина Гавриш

Развалилось мужичьё
на завалинках:
«Не моё – вокруг, ничьё..
Впрок – по маленькой!»

А зачем траву косить,
сеять вечное?
Перевернуты кресты...
Годы – к вечеру.

Это вновь чумой прошлась
доля горькая.
Безысходность нынче – власть,
даже зорьками.

И царевна-то, гармонь,
спит Величество...
Кто считает – сколько сонь
летаргических?

Правда чёрной полосы
в пропасть тянется...
Ни ромашки, ни росы
не останется.

Последний защитник деревни

«И если слышишь птичьи голоса...»

Татьяна Аржакова

Восседая на пне, как на троне,
и – не царь, и уже – не народ,
для Отечества я – посторонний,
от дворцовых ворот – поворот.

Что за дикое, страшное время
наползает шипящей змеёй?
Я – последний защитник деревни,
я умру вместе с этой землёй.

Мне внушали: ты – тёмный, ты – серый...
В родословной клеймом – от сохи.
Всё богатство – гармонь да посевы...
Перед смертью сошлют в пастухи...

Но иначе судьбою подкован,
чем холёный скакун городской.
Мать поила водой родниковой,
а большак был милее Тверской.

И пока слышу птичьи беседы,
и пока отражаюсь в реке,
я ещё не отправлен со света
без креста, без души, налегке...

Я – на пне с того самого года,
когда вдруг обеднели дворы...
И пропали, казалось, всего-то
безмятежные сны детворы...

На этой земле

«На земле тишина. На развалинах травы как флаги...»

Вадим Шуляковский

Я на этой земле проводил безмятежное детство, где не ведал о сказках, что пишутся в мрачных тонах, где, казалось, и друг, и до гроба любовь – по соседству, и ходил босиком, и в заштопанных бабкой штанах.

Спозаранку – до озера, хвастаясь удочкой новой перед Пашкой, с которым делили улов пополам.

Я давал ему самое-самое честное слово:

вместе с ним до конца – по лесам, по лугам, по полям.

Нами был графский парк до росистой травинки изведен, особняк, весь в развалинах, тайнами потчевал нас.

И неслась моя жизнь, словно поезд, от лета до лета.

Дожидался и класс выпускной, и экзамен, и вальс.

И как будто судьба разделила два мира пунктиром, и у Пашки теперь свой, единственный дом на века.

И таким же, как я, вспоминать о земле запретили...

О земле, что не хочет в неволе плодиться никак.

На земле – тишина, но не тех деревенских рассветов,
когда хор петухов взбудоражит селенье вот-вот...
На земле – тишина, и не Богом наложено вето,
и молчит отрешённо отверженный русский народ.

Лес, деревня...

«Знакомый лес, знакомый пруд...»

Борис Прахов

Лес, деревня... Мальчишка – прыткий:
с малолетства – за пядью пядь...
От окраины до калитки,
словно в сказке – рукой подать!

И в пруду – караси, да карпы...
Да по слухам – русалок тьма...
Он без компаса и без карты
по утрам изучал туман...

Детворы не чурался местной,
укротив городскую спесь...
Даже выбрал себе невесту,
чтоб шалаш ей построить здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.